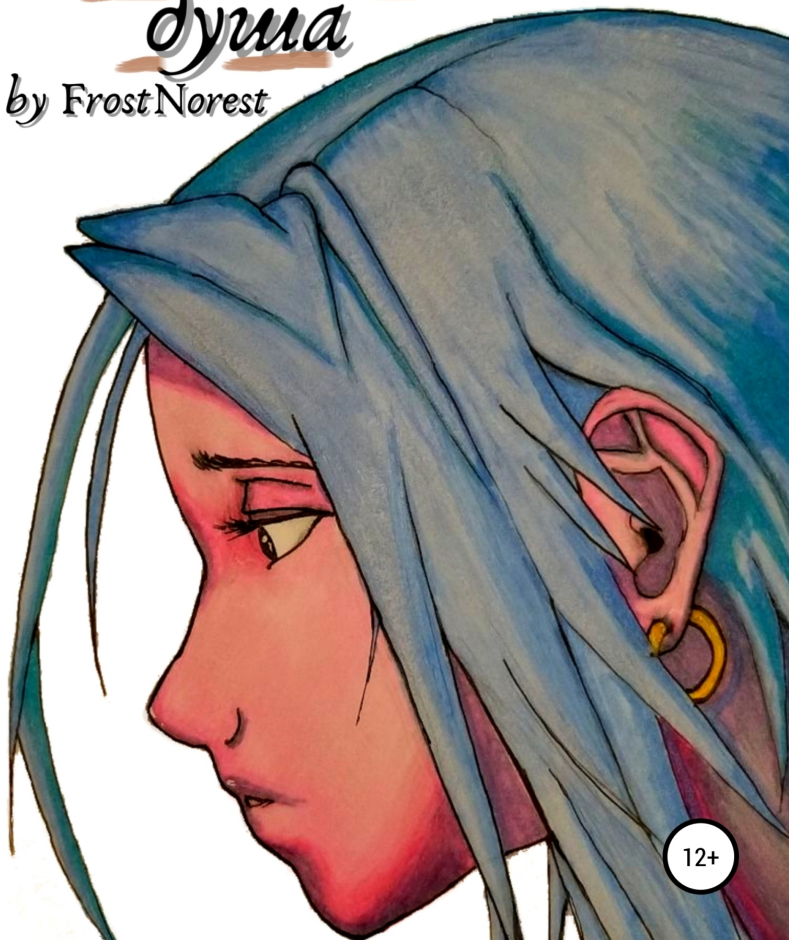

Маленькая

душа

by Frost Norest

12+

FrostNorest

Маленькая душа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67761539

SelfPub; 2022

Аннотация

Жизнь имеет в точности ту ценность, которой мы хотим её наделить. И. Бергман

Короткая история о крохотном промежутке жизни такого маленького человека с невероятно огромным сердцем...

Содержание

I	4
II	10
III	16
IV	27
V	39
VI	50
VII	57

FrostNorest

Маленькая душа

I

Дождь. Уже несколько дней подряд хмурость стало обыденным видом для этого маленького городка. Пробираясь сквозь лужи, люди спешили на работу, жизнь в столь обыденном виде. Серая и неприглядная, она тем не менее умеет дарить крохи радости.

Горький кофе и вкус табака, Ночной гость тяжело выдохнул стоя под спасительным навесом. Удалось выбить себе крохи времени в этом скучном, сером мире. Скоро ведь на работу. А его трудовая деятельность, непростая и до боли печальная. Люди семенили своими маленькими ножками, перекликаясь с томно едущими машинами. Жизнь просто шла своим рутинным чередом.

Последний глоток, пусть не такой вкусный как первый, тем не менее он имеет невероятную значимость для вкушающего. После него нужно прощаться со своими мыслями и идти трудиться дальше. Какая-то особая, незримая романтика в таких, казалось бы, на первый взгляд, простых моментах. В этом миг, время словно останавливает ход, и вот ты остаешься один на один с этим горьким вкусом на губах, и

что не менее значимо, с осознанием о необходимости двигаться дальше. Время на отдых вышло...

Выдохнув Ночной гость бодро зашагал в направлении центрального здания в этом маленьком городе. Огромный белый комплекс с красными крестами, не то место куда хочется постоянно ходить, но увы, ввиду работы приходится бывать здесь довольно часто. Лампы в коридорах частенько помигивали, создавая в этих помещениях лишь два состояния – либо ослепительный мерзкий дневной свет, либо полумрак. Чего среднего, чего-то теплого так не хватало. Ночного гостя привычно никто не замечал, пока он сам не захочет, казалось бы, столь великий дар, может быть и великим проклятьем. Одиночество, было ему присуще, видеть чужие судьбы и совсем не различать своей. Накинув белый халат, он стал слоняться по отделениям, словно кого-то выискивая. Он не всегда понимал почему так поступает, но раз за разом приходил куда должен. Неизвестно, что за окольные тропы завели его в самую глубь извилистого коридора, к одиноко стоящей палате. Внутри пахло кварцевыми лампами, мерзкий раздражающий запах. Все помещение было в белом: стены, пол, тумбочка, кровать, рамы. Белый – столь невинный цвет, счастья и радости, как считали древние, но он же и создавал чувство пустоты, стерильности. Всё как будто выцвело, лишилось красок, опустело. Это помещение давило на сознание неокрепшего человека, того кто никогда в своей жизни не испытывал отчужденности. Для местных обитате-

лей же, эта комната была всем реальным миром.

У широкого окна сидела одинокая фигура, взор которой был устремлен куда-то вдаль. Это была девушка, с прекрасными длинными иссиня-чёрными волосами.

– Горы сегодня очень красивые, не находите? – Она сказала, не отрываясь от окна. Голос был мелодичный, словно соловьиная трель, но очень тихий, с небольшим надрывом.

– Дождь же, какие горы?

– Красивые. Они там. Никой дождь их не подвинет и на миллиметр. И отчего бы им не быть сегодня красивыми, правда ведь? – Она повернулась. Её глаза, искрились веселым карим оттенком. Они столь лихо контрастировали с остальной комнатой, в полумраке казалось, что они светятся. Она стала жадно рассматривать пришельца, чуть склонив голову на бок.

– Кто вы?

– А это имеет значение? Это чьё отделение?

– Константина Валентиновича. – Известный в местных кругах человек. Печально известный, своей сложной работой. О нём говорили, как о человеке со стальными нервами, но с добрейшим характером. Сколько видел, сколько пережил... В свои 56 лет доктор был таким же добродушным, как и тогда, когда только пришёл в эту профессию.

– То-то я смотрю, никого нет, тяжелое отделение, значит я по адресу.

– И все же кто вы?

– Ночной гость. Вечно глупый интерн, вечно добродушного доктора. Выдающаяся внешность и не уступающий ей ум. Карьерист, циник, эгоист. На работу без рвения, просто за деньги. День с утра не задался, облили с ног до головы. Злой как чёрт, срываю гнев на пациентах. – Он говорил это с неизменной кислой миной, не меняя голоса, словно раз за разом выученный рассказ.

– Странный способ представится. – Она начала улыбаться, мило прищуривая свои глаза. – Вы очень смешной, теперь будете у нас постоянно?

– Говорю же я просто гость, пришел проверить кто еще отдал богу душу благодаря сердечной заботе нашего доктора.

– Не надо так! – Лицо девочки стало серьезным и гневным. – Доктор не прощает себе...

– И это его величайшее проклятие. Старик уже столько лет видит, как умирают люди, когда-нибудь можно уже и привыкнуть. – Случайный взгляд на ноги девочки, она сидела не на стуле, это было инвалидное кресло, рядом капельница и это отделение...

– Так может говорить только тот, кто смерти не видел, к ней невозможно привыкнуть, оставаясь человеком. – Она смотрела насупившись, как-то очень по-ребячески.

– Ты права, оставаясь человеком нельзя. – После этих слов она широко раскрыла глаза, ее лицо словно наполнилось каким-то невидимым состраданием, глазки не теряющие свои искры, стали совершенно иными. Словно... не детские глаза.

В комнату вошел доктор, разрушив повисшую в воздухе тяжесть. Он посмотрел на гостя весьма печальными глазами. Полными разочарования. И удивления от внезапности, что ли.

– Какие люди, а не рановато ли? Интернатура же еще. – Доктор говорил с надрывом и тоской.

– Да доктор, вы правы. Решил вот навестить вас.

– Меня? Хорошо бы если меня, а то я тебя знаю, ко мне ты почему-то не ходишь, предпочитая компании моих пациентов.

– Вы знакомы? – Девочка с интересом посматривала на обоих, пытаясь понять кто же все-таки этот пришелец.

– Он мой ассистент, давненько уже.

– Интерн я бы сказал. Ладненько мне похоже пора. – Гость ушел так же быстро, как и появился, оставив доктора с пациенткой в палате, наедине с тяжелыми мыслями.

– Константин Валерьевич, а почему я его раньше не видела, если вы с ним уже давно работаете. Он из другого отделения?

– Да дорогая, из другого. Я очень надеялся, что вы не увидите. Он хороший человек, но за ним по пятам идут несчастья. Станный он в общем.

Сделав необходимый осмотр, доктор вышел из палаты, встретившись взглядом с гостем.

– Выдохните доктор, я похоже ошибся палатой. Странно, раньше такого не было. В этой девочке что-то есть, не нахо-

дите, может какая особая сила?

– Воля к жизни. Не хотелось бы чтобы ты и дальше так свободно загуливал в это место.

– Ну же доктор, мне интересно, я бы очень хотел еще не раз встретиться с этой девочкой, если конечно позволите. Могу вас заверить, что не обижу ее. Нечасто попадаются такие люди. А вот это ей подарок, апельсинчики и вот парочка моих любимых романа. Надеюсь она любит читать, вы же передадите?

– Какой же ты все-таки плут... Что же задумал?

А дождь все продолжался...

II

Панорама на горы, – какой прекрасный вид! Сердце начинает сильно-сильно трепетать, отстукивая мерный ритм. Наслаждение. Тысячелетние громады, грозно стоящие над маленьким городком, не обращают ни малейшего внимания на бытие людей, им до этого просто нет дела. Тяжелый, тучный туман, опоясывающий великанов, всеми силами стремится к их верхушкам, хочет поглотить полностью... Но горы стоят...

Она смотрела на них, пытаясь уловить каждую мелочь, замороженная этим действием. Её мысли, всюду, резвились на залитых светом лугах. Свежий опьяняющий горный воздух. Поднимаешься на вершину, в лицо тебе бьёт сильный горный ветер, сдувая с тебя головной убор, оборачиваешься, и... перед тобой предстаёт та самая панорама. Полотно из уходящих за горизонт горных вершин. Захватывает дух...

– ...ну, я про это и говорю, эй подруга ты меня вообще слушаешь?

– А... я... да!

– Не вертись так голова закружится! – Седоволосый доктор с глубокими морщинами улыбался. Дожди отступили и теперь можно было наслаждаться витамином D в полном объеме.

– Эй, мы, значит, сидим тут, пытаемся с ней общаться, а

она горы разглядывает. – Третьей в комнате была медсестра, первая сплетница больницы. Она была дружна с доктором, но больше всех она любила обитательницу этой палаты, с которой они могли бы разговаривать часы напролёт. Спасали от тотального забалтывания, лишь работа у одной и режим у другой.

– Извини, просто...

– Сегодня выезжаем, потерпи немного. – Доктор говорил, как всегда, мягко. – Тебе хорошо бы выспаться. Эх отделение совсем без мужских рук остается.

– Константин Валентинович! Вам надо побольше отдыхать, могли себе отгул взять и побольше, три дня это, как-то...

– Хватит, о, а вот и капельница пожаловала.

– Доктор, вы нас оставите, мы тут пошушукаемся. – Медсестра весело подмигивала. Женские секреты – это все-таки тайная вещь.

– Всё-всё уже уйду...

– Знаете доктор, ваш интерн обещал мне фотки моря. – Она говорила сиплым, но таким жизнерадостным голосом. – Интересно он не забыл? Обещал с собой в следующий раз взять, как тогда на новый год.

– Эй, балбес! Что ж ты искушаешь ее! – Доктор, похоже, сказал мысли в слух.

– Море я никогда не видела, а вот горы... – Она начала томно вздыхать, прищуриваясь и фантазируя. – Горы я вижу

каждый день, так хочется!

– У вас же с доктором сегодня поездка с ночевкой. Как раз в твои любимые горы, чего ты? – Медсестричка раззадоривала свою подопечную.

– Знаю, знаю и не могу поверить! Наконец-то! Так хочется!

– С тебя сувенир, я слышала в том поселке время остановилось как будто.

– Ага, а котлеты, котлеты какие, чтоб ты знала. Ей-богу те самые! – Доктор, на миг, тоже отошел в мир фантазий и воспоминаний.

– Договорились, привезу чего-нибудь!

Как только доктор вышел из палаты, встретился со знакомыми ярко зелеными глазами – Ночной гость, вновь пришел навестить свою подругу, поймав на прощание её улыбку, перед тем как доктор окончательно закрыл дверь в палату.

– Константин Валентинович, блин, не дали даже попрощаться.

– Еще успеешь. Ты чего ей там наговорил про море? Знаю я твое море.

– Я думал ей лучше. Она же пойдёт на поправку?

– Лучше, во всяком случае, не должно стать хуже. Я думал, что ты разбираешься в таких вопросах больше старика. Ладно, студент, счастливо оставаться.

– Далеко не всегда я понимаю, что происходит с тем или иным человеком, это знаете, как интуиция больше. Берегите

её.

– Иди уже.

Доктор складывал в багажник сумки, в которых по большей части были медикаменты, а также провиант на три дня, запасная одежда. У него был небольшой домик в горах, и когда-то часто вместе с женой выезжал туда на выходные, когда-то...

– Я готова!

Сиплый, но всё равно весёлый голосок заставил доктора обернуться. Он увидел её не в обычной белой рубашке для больных, уже мозолившей глаза, а в прелестном платьице зелёно-синего цвета, которое, несмотря на тощее тело, сидело на ней превосходно. Волосы были аккуратно заплетены в косу, но по обеим сторонам лица свисали две длинные пряди густого «шёлка». Она всегда ухаживала за своей внешностью несмотря на постоянные приступы и отвратительное самочувствие. Сегодня от неё прям, пахло свежестью. Из-под широкополой соломенной шляпы, горели два малых хрустальных шарика, с, казалось, большей, чем обычно, силой. Довершала сей чудный образ нежная улыбка, полная радостного предвкушения.

– Доктор, смотрите, какое платье мне дала подружка! – Она ехидно прищурилась, в ожидании реакции доктора. – А еще ноготочки, смотрите доктор, смотрите! Это она мне все сделала, правда же умница?

– Эх был бы я лет на двадцать моложе, тогда ух! Что ж ты

со мной стариком делаешь?

– Я серьёзно, как вам? – Искренний, но тихий смех, озарил улицу.

– Тебе идёт.

Через полчаса езды, на подъезде к горам, начался ливень. Прислонившись к окну, она слушала музыку. Доктор частенько поглядывал на неё. Было грустно, но не из-за дождя – он знал, она плачет. Доктор понимал... Она никогда не показывала слёз. И если зайти к ней в комнату, когда она плачет, они быстро отвернутся и небрежно, по-мальчишески, вытрет лицо рукой, после повернется и улыбнется. Это знали все, и помогали, чем могли, но... Она никогда не признавалась. Совсем одна, ее родители, ее брат, они первыми покинули этот бранный мир, оставив малышку один на один с этим проклятием.

Впервые они увиделись на похоронах. Так бывает, что именно столь тяжелые моменты позволяют встретиться двум незнакомым людям. Константин Валентинович осматривал собравшихся: кто-то не мог сдержать слез, пытаясь заглушить свою боль, кто-то плакал очень тихо, закрывая глаза. Его взгляд упал на девушку, стоящую прямо в самом центре среди собравшихся. Тогда она еще стояла... гордо, не сгибаясь, она медленно развеяла горсть земли, в след за уходящим вглубь гробом. Через пару минут его принялись закапывать, звук работы лопат, слился в унисон с криками горя. Но она стояла молча, старалась даже не моргать, дабы не проронить

ни единой слезы. Ее прелестное лицо... было обезображено... гримаса боли, словно перекосила нежные девичьи черты. Она не сводила глаз...

Лишь когда все ушли, ее стройная фигура сгорбилась и рухнула оземь. Стоя на коленях она рыдала в захлеб, выпрашивая у покойника тихое «Прости...».

III

В памяти проскользнул небольшой отрывок из прошлого...

Снег... Как ждали все его... В этом крае, очень даже большая редкость. Сегодня 31 декабря – преддверие нового года! Ура наконец-то пошёл снег!

Запахнул пальто, температура резко падала. Сегодня, он должен был навестить кое-кого. Хоть и дал себе обещание держаться подальше от тех кому своим приходом мог сделать только хуже, всё же в праздник, после работы, хотелось увидеть ее улыбку. Но только сегодня, а завтра под бой курантов, и взрывы салютов он уже будет далеко, кто знает, может быть даже...

Маленькие снежинки тихо кружили вокруг, столь необычного, уличного фонаря. Его включали только под новый год, вернее у него, если так можно выразиться, была привычка все время быть то сломанным, то снятым. Ночной гость это знал, быть может, он единственный кто знал. Люди не замечают...

Тишина... Нет, этот звук, звук праздника, настоящий! Вот-вот приготовления будут окончены. А снежинки всё кружили. Казалось, что люди перестали замечать, как прекрасно они это делают, конечно нет. Мало просто видеть, здесь нужно другое... здесь чувствовать надо. Ночной гость

засмотрелся. Он склонил голову вбок и стоял как вкопанный. Прохожие озирались. Прошедшие мимо девчонки тихо захихикали. Он стоял и смотрел на фонарь, и на этот тихий новогодний вальс. Снежинки, повинувшись тихой неслышимой нам простым смертным мелодии, кружили в беспечном танце, видимые в огне одного единственного фонаря, одиноко стоящего здесь, как до любого из нас, так и после. Едва ночной гость только вступил на белый ковёр, только что налетевшего снега, как сразу нарушил блаженную тишину, которой был зачарован.

Темно. Набрав полную грудь морозного воздуха, выдал:
– Время...

Он зашагал причём так быстро, как, только мог. Через десяток минут, перед его взором возник пункт назначения – местная больница, опять. Как же часто приходится приходиться сюда. Быстро пройдя через КПП, он суматошно стал ходить туда-сюда, в поисках нужного корпуса. Запах больницы... заветное отделение... нужная палата...

В комнате было шестеро: пять стариков и женщина средних лет.

– С наступающим!

В палате все как будто оживились, начав наперебой отвечать тем же. Только одна бабушка нежно посмотрела на гостя и просто начала улыбаться. К ней то он и подошёл.

– Доброй ночи! С наступающим! – они обнялись, у старухи слеза прокатилась по морщинистой щеке.

– Здравствуй внучок! Как дела? Ты вернулся?

– Нет бабуль, я ненадолго! Просто, как узнал, что ты в больнице, решил навестить. На новый год хоть отпустят? – К чему этот вопрос, он начал корить себя, так как знал на него ответ.

– Нет, внучок здесь встречать буду.

– Зажгу за тебя фонарик...

– А что делать доктор не отпускает, здоровье важнее. Ты как сам, где отмечать будешь?

– С одной очень хорошей девушкой.

– Я так за тебя рада!

Они говорили совсем недолго, часы приёма подходили к концу, гость уходил... Когда дверь за ним закрылась, маленькая, едва заметная слеза вновь покинула её глаза, а про себя она лишь сказала: «Удачи».

– А кто это был? – Начали оживляться другие старички

– Как кто мой... мой... мой... Кто-то же только что приходил, кто это?

Ночной гость докуривал, когда отделение оживилось. Похоже в этом месте праздник будет омрачен. Но есть в этой больнице та. С кем он может проводить время, с кем будет не одинок.

– Так-с, ещё в одно место...

Ещё блуждания, и вновь коридоры, заполненные тусклым белым светом и тишиной, людей не видно. А этот запах, совсем не новогодний, да звуки здесь другие – их почти нет.

И как здесь люди могут поправлять здоровье? Ночной гость был уверен – больницы лишь для того, чтобы люди увядали, этакое место, куда свозят всех чахоточных и кашляющих, подальше от здоровых. Он знал, что это не так, знал и про героизм врачей, и про труд санитаров, понимал их всех, необходимость этого учреждения. Но его работа была далека от тех мест, где люди выздоравливали, он видел лишь...

И вот то самое отделение. Ночной гость остановился, и как-то тяжело ему далось прочитать это название. Перед тем как войти он сглотнул, ведь снова придётся входить сюда. При входе в глаза сразу бросилось знакомое лицо – этот доктор не боялся дежурств.

– Константин Валентинович, здравствуйте! Вы вообще когда-нибудь отдыхаете?

– Это ты? – Доктор нахмурился. – Надеюсь праздник пройдет без эксцессов?

– Я тоже надеюсь, доктор. – Голос гостя был тяжелым, тяжелые мысли подходили все ближе. – Я к ней...

– Нельзя!

– Ей хуже?

– Нет, наоборот. Просто я не хочу, чтобы ты к ней приходил. Каждый раз мое сердце... оставь ее, пожалуйста.

– Доктор, вы же знаете. Я клянусь, что пока я рядом с ней все будет в порядке. Вы же уже почти собрали на то дорогое лекарство, может быть я тут в последний раз.

– Ладно. Сейчас, конечно, нельзя, но в качестве исключе-

ния, можешь к ней зайти на пять минут.

– Доктор, не пять...

– Что ты задумал? – В голосе Константина Валентиновича была слышна неприкрытая злоба, он понимал собственное бессилие.

– Так надо. Ей станет только лучше.

Дверь в заветную палату отворилась, когда ночной гость вошёл, он увидел прелестную черноволосую девочку, жадно грызающуюся в томик Островского.

– Как закалялась сталь? Сильно, не думал, что ты такое читаешь!

На её лице засияла детская улыбка, вошедшего она не видела уже порядком. Но он был одним из тех немногих людей, что с ней ещё остались. Ночного гостя она, правда, видела не часто, вернее сказать редко. Его вообще редко кто-либо видел. Но каждый раз, запоминала надолго.

– Очень сильный роман, советую тебе прочитать! – После нескольких встреч, они перешли на «ты», и кажется сдружились.

– Уже...

– Ну и как тебе?

– Время тяжёлое... Люди слабые, за исключением главного героя..., впрочем, как и всегда. Я рад тебя видеть!

– А я-то как рада! Нечасто тебя можно увидеть, ты прям как тень...

– Ночная тень, снующая везде...

– Да, хорошая аллегория.

– Держи! – Ночной гость протянул её свёрток. – Ты когда-то хотела прочитать.

– Не может быть, ах! Уильям Голдинг в оригинале! Да как!

– С новым годом, тебя я не мог оставить без подарка!

– Спасибо большое, ты не представляешь, как давно я хотела его прочитать!

– Ещё как представляю. Можно вопрос?

– Да

– Что вы девушка, делаете вечером?

– Да нет, ты, наверное, шутишь!

– Попрошу тебя одеться потеплее. Чтоб без разговоров!

– Но...

– Никаких, но! У тебя полчаса, и мы кое-кудаходим...

Мороз стоял дикий, нечасто такое увидишь в здешних краях. Снег, уже, похоже, не сдерживался в преддверие праздника, валил с чувством. Многие предпочитают праздновать дома, но некоторые заблудшие души скитаются в поисках праздничного уголка и тут, и там.

Так если найдёшь в себе силы приподнять капюшон, и, прищурившись посмотреть сквозь круживший в безумном танце снег, то можно разглядеть силуэты двух людей, решивших праздновать под открытым небом. Именно через этот снежный вихрь пробирался Ночной гость, но сегодня он был не один. Вцепившись в его спину и весело озираясь по сторонам, она сидела с лучистой детской улыбкой, и радовалась

каждому праздничному огоньку. Он рассказывал различные шутки, не давая ей окоченеть, она же грела его своим звонким смехом. Так и шла эта пара, лавируя меж тысяч городских огней и взрывов петард, блуждая в ночи...

Всё по задуманной программе: сначала снеговик, без морковки и ведра, но в моднявой шапке и великолепной позе. Затем хоровод вокруг елки и призыв Деда Мороза, ну как хоровод, он водит, она сидит, смотрит и весело улыбается, хлопая в ладоши. Голубой Огонёк на местной сцене перед елкой. Петь разрешалось всем, жаль только её сиплый голосок не тянул высокие ноты, но ситуацию исправил Ночной гость и, стоявшие рядом люди, не удержавшиеся от того, чтобы подпевать новогоднюю песнь. Пели все, праздник был у всех... а после кафе с изысканным итальянским блюдом – пиццей!

15 минут до нового года...

Они сидели на лавочке в парке, под светом тусклых фонарей. Сердца бились в ожидание праздника. Вокруг собрались такие же люди, предвкушение покорила их сердца...

– Можно вопрос? – она, не поворачиваясь к Ночному гостю, разглядывала пойманные на рукавицу снежинки. – Зачем, ты всё это для меня делаешь? Из жалости?

Ночной гость ответил не сразу, он долгое время смотрел в небо, кто знает, может, пытался там найти ответ...

– Жалости... Нет, не то.

– Тогда что?

– Кто я?

– Просто Ночной гость?

– Именно. Лишь мгновение в ночи. – Продолжая смотреть в небо, он начал читать стихи:

Пришёл... ушёл...

И так всегда,

В ночи прекрасной и проклятой!

И вот опять,

Уходит прочь...

Судьбу не в силах превозмочь...

Он слишком слаб,

Чтоб жить как все,

И рок его...

Идёт за ним по следу.

И так всегда,

Всю жизнь его,

Все гонят прочь:

«Уйди презренный!

Мешаешь нам ты жить!»

И вот опять, идёт...

Богиней лишь ведомый...

Идёт во тьму, свой путь не выбирая

Чтоб нам достать оттуда свет!

Ведь он же... тоже человек!

Поэт – изгнанник нашего закона...

10 минут до боя курантов...

– Рифмы нет. – Ее глаза переливались бликами. Слово за-
ворожённая, она пыталась вникать в каждое слово.

– Ха-ха, прости, а думал, удивлю!

– Удивил. Так красиво, но тебе бы над мастерством пора-
ботать. – Она говорила с видом знатока, за свою недолгую
жизнь столько прочитать. Явно понимала, о чем говорила.

– Я начал писать стихи только после встречи с тобой.
Кстати я слышал ты тоже пишешь? Роман?

– Это так мило. – Глаза наполнились слезками, но она тут
же отвернулась. – А... я... это... да пишу. Хочется оставить
после себя что-нибудь.

– Еще полным-полно времени, оставишь.

– Хотелось бы. – Она потупила взор на лежавший и ног
снег, похоже мысли обуяли обоих.

– Знаешь, мы очень похожи.

– Чем же?

– Мы оба, словно не из этой жизни. Словно не этой пла-
неты. Словно...

– Ночные гости? – Она весело заулыбалась, Ночной на-
тянул ей шапку на глаза. Радость двух сердец была просто
огромной, тем кто проживает в одиночестве найти родную
душу милее всех богатств этого мира.

– Ха, да! Только между нами существует одно различие...

– Какое?

– Я приношу людям только горе...

5 мин до нового счастья...

Ночной гость запустил пару ракет, озаривших светом всю округу. На извивающиеся узоры подняли глаза обитатели парка. Огни на фоне ночного неба – одно из немногих изобретений, сделавших человека поистине счастливым. Ночной гость взял её за руку, и заглянул в глаза прекрасные бездонно-карие глазки – они блестели, так ярко, как, наверное, никогда прежде. Румяные щёчки, звонкий смех, эта искренняя улыбка – она словно ожила. Казалось, счастливее её на свете нет, впервые за долгое время она дышала полной грудью – по-настоящему жила...

Куранты...

– Считаем, дружно! – крикнул кто-то из толпы, собравшихся неподалёку:

...Раз... Два... Три... Четыре... – её сердце замерло в трепетном ожидание, и лишь грубая, и такая холодная, но отчего-то невероятно родная рука Ночного гостя помогала справиться с волнительным чувством происходившего.

...Пять... Шесть... Семь... Восемь... – она услышала резкий хлопок и мгновенно подняла глаза на ночного гостя – выстрел шампанского!

...Девять... Десять... Одиннадцать...

Два бокала звонко стукнулись, два желания, две души, две судьбы:

– С новым годом!

– С новым счастьем!

Двенадцать...!

Десятки, тысячи, даже миллионы разноцветных змей устремились в небо! Раскаты голубого грома, зарево, будто искусственный закат... они были великолепны! Небо застелили взрывы! И в эти минуты, какие бы ни были проблемы у людей, сколь тяжело бы судьба не поступила с ними – они были счастливы! В эти минуты все люди рады, что живут...

– Шестнадцать минут, тридцать восемь секунд! – Она с детской радостью смотрела на часы.

– Ты засекала, молодец! – Ночной гость все время державший ее за руку, сейчас сжал что было силы. – Можно вопрос?

– Конечно!

– Стоило ради этих шестнадцати минут, мучится весь год?

– А сам ты как думаешь?

Где-то вдалеке продолжали греметь взрывы. Воздух наполнился запахом пороха. Время подходило к концу...

IV

– Мы приехали!

Она небрежно утёрла глаза. Перед взором предстал двухэтажный особняк, на вид дом был старинный. Он как нельзя лучше вписывался в общую картину местности: горная тропа, уходящая вверх на вершину горы, хвойный лес окружающий деревню, где под могучими стволами и раскидистыми кронами древ стояли летние беседки. По обеим сторонам дороги, несли свое тихое бремя, никому не мешая, избы, построенные не менее полувека назад. Ощущение простой русской деревни. Портили атмосферу лишь вышки, понатыканные там и тут, ну и новая заасфальтированная дорога до самой деревни. Все эти блага цивилизации не вписывались в общую картину, были здесь чужими.

Обстановка самого особняка соответствовала прошлому веку. Дровяная печка, вырезные столы и мерно тикающие настенные часы, в таких частенько устанавливали кукушку. На одном из столов стоял старый телефон, где-то начала двадцатого века, а в углу пылился граммофон. Даже запах в доме был особый, ни с чем не сравнимый. Что-то родное и поистине притягательное было в этом месте.

– Располагайся, я принесу вещи.

– Красивый дом, такие тёплые цвета...

– Прадеда дом, ему уже больше сотни. Потихоньку делаю

ремонт, но не хочется портить, уютно тут.

День подходил к концу. Небо заволокло тучами, моросил дождь. Не сильный, но выходить ей было нельзя. Пришлось сидеть на крыльце и наблюдать, но и это принесло ей уйму удовольствия. Эти запахи, краски, бегающая под дождём ребятня, сердце вновь застучало сильно-сильно. Дождь и не думал прекращаться. Но малый лучик света, пробил себе дорогу, сквозь грузный барьер из грозовых туч. Она смотрела на небо...

– Есть иди! – Пришлось зайти в дом. Доктор с возгласами, что уже темно, вышел во двор и стал затворять ставни, взглянул на небо – дождь кончился.

Тяжело стучал маятник, в комнате пахло чаем, горела тусклая лампочка, ночью в горах холодно, поэтому они оба сидели, закутавшись в пледы, шла партия.

– Мат! – Она с удовольствием откинулась на своем кресле.

– Как опять, блин да ты голова, так ещё одну партию и спать. – Доктор выглядел довольным. Он хотел отпить горячего чая, так пахнувшего травами, но обнаружив, что в стакане пусто, с досадой поставив его на место. Переведя глаз на часы, он воскликнул. – Ух ты ж ё! Уже одиннадцать, доигрываем и спать!

– Доктор не забыли, кто проиграл тот... – Она, ехидно улыбаясь, тянула к нему свою кружку

– Помню-помню, давай сюда.

Стал заваривать свой фирменный чай, так бивший в нос

своим сладким ароматом. Доктор часто играл с ней в различные настольные игры, и не было таких, в которых он мог выиграть. И это, несмотря даже, на то, что у него был первый разряд по шахматам! Даже не ходя в школу, она была невероятно образована и начитана. И все это даже до того, как ей начал помогать с учебной доктор.

– С твоей головой легко и в МГУ поступить. Держи! – Он протянул ей стакан с чаем. – Кстати, о головах, мы тут планировали провести шахматный турнир между жителями деревни. Местного старожила будет тяжело обыграть. Ну как, справишься?

– Иду! Обязательно, когда?

– Послезавтра.

– Доктор, спасибо! – Её лицо выразило такую радость, что можно было ослепнуть, она прямо светилась.

– За что?

– Вы всегда поддерживаете меня.

– Ну, вот в краску вогнала, ходи, давай! Я же доктор, я должен.

– Не врите, вы стали доктором, чтобы помогать, а не помогаете, потому что стали доктором. Это разные вещи!

– Эх... – Он тяжело вздохнул, махнув рукой.

– Мат!

– Ё моё! Опять! Так всё отбой.

Утро выдалось тёплым, правда, туман накрыл горы сплошной серой пеленой. Свежий воздух разбудил её, по-

следние пять лет это делала медсестра, так что ей было непривычно просыпаться самой. Накинув кофту, она выехала во двор, земля высохла, но всё ещё пахло сыростью. Она поехала к обзорной точке, с которой, как говорил доктор, были видны все горы. Мягкая подстилка из хвои застилала весь лес, многолетние ели создавали впечатления нерушимости, ещё больше украшая местные горы.

На смотровой площадке уже кто-то был с утра пораньше. Парень сидел на лавочке прислонившись к одиноко стоявшему дереву. Его молодость скрывали синяки под глазами, и жесткая щетина. Во рту дымилась сигарета, а взгляд его был направлен в пустоту. Похоже, что мысли полностью захватили его, и он даже не обратил внимание на гостью.

– Доброе утро! – Ее прекрасное настроение ничто не могло сломить, вид на горы и вправду был восхитительный. Туман постепенно отступал, оголяя бесконечные горизонты зелени. Словно покрывало стройные ряды деревьев укутали здешних каменных великанов.

– И тебе не хворать. – Парень говорил максимально отстраненно. Он даже не смотрел на гостью, ему похоже было все равно.

– Ах, такой вид. Как же круто здесь жить. – Она спокойно продолжила любоваться видами, но тягостное молчание, повисшее мертвым грузом, действовало ей на нервы, и она все же решила продолжить диалог. – Вы местный? Я вам так завидую!

– Местный... – Обратив внимание на ее коляску, он, похоже, решил включиться в диалог. – Ты если прыгать будешь, то давай шустрее, так и быть я даме уступлю.

– Дурак! – Она насупилась. Она взглянула ему в глаза и злость будто сама собой отступила. Никогда ранее, она не видела таких тусклых и безразличных глаз. – Seriously, что ли прыгать?

– Может и серьезно...

– Не вздумай! Я не позволю! – Она скрестила руки на груди, и серьезно осматривала парня. «Да он же метр девяносто, не меньше!» – крутились в голове.

– Ты что ль? Ты как вообще сюда заехала на своей коляске? – Он, прищутив глаз стал ее разглядывать в ответ.

– Я! Это специальная коляска, горная. Вездеход мой! Протараню тебя если будешь пытаться тут глупости делать. – Она подъехала к нему и резко схватила за голову, уставившись ему прямо в глаза. Несмотря на маленькие и нежные руки, она сделала это столь стремительно, что у него от изумления даже окурок изо рта выпал. Казалось, что у него появились проблески света в глазах.

– Ха! А ты смешная! – Он начал смеяться, смотря на ее серьезное лицо. Ее глаза зачаровывали, стараясь не сводить с нее взгляда, встал в полный рост и вновь закурил, а затем склонился, оперившись в нее лбом. – Ну вот он я, тарань!

Внезапно она подвинулась чуть вперед, наехав ему на ногу, так что он потерял равновесие и упал. Вытащив из его

губ сигарету, затянулась что было силы. Естественно, глубокий кашель не заставил себя долго ждать. Но будучи крайне упертой, она вдохнула еще раз, выпустив едкий дым ему прямо в лицо. После чего с ехидным лицом приняла победную позу. Парень похоже ничего подобного не ожидал, и глубоко опешив, рассмеялся.

– Вот это ты даешь! Никогда не видел таких боевых девчонок! Ты кто вообще такая?

– Специальный больничный спецназ! Слышал о таких? Вот то-то же, бойся!

– Такая красивая и пацанка. – Он, отряхнув штаны, сел снова на лавочку, и открыл банку с газировкой. – Будешь?

– Давай. – Отпив немного она сильно скривилась. Газированная кислота заполнила весь рот. Она привыкла правильно питаться, и такие обыденные для многих вкусы обходили ее стороной. – Фу, это что вообще такое?

– Энергетик, хотя тебя похоже такое пить не нужно. Ты и так энеджерджайзер на колесах! Потом тебя не остановишь. – Он явно повеселел. Эта девочка, в ней явно было что-то особенное, притягательное.

– И чего ты прыгать собрался? – Ее личико по-прежнему было надутым, то ли обидой, то ли злостью. Но свое доброту, за этой миной она не могла скрыть, и ее собеседник это прекрасно видел.

– А тебе то какая разница? Если решился человек, значит у него есть на то причина.

– Ты думаешь, что у тебя есть причина? Хм, вряд ли. Не терпеться на тот свет, так продай себя на органы тебе всё равно, так хоть родным польза будет.

– Ути какая злая! Так бы и сделал, только нет больше родных. Некому органы отдавать, последний близкий мне человек ушел из жизни. Тебе могу отдать, если хочешь, может тебе мои органы нужнее. – У нее перехватило грудь, он говорил это очень спокойным голосом, похоже фаза, когда хочется рыдать от боли прошла, и осталась лишь горечь утраты.

– Думаешь это сильный поступок, покончить с жизнью? Нет! Это слабость! Те, кто не умеют стоять под тяжестью проблем, ломаются, не перестают бояться смерти, но и жизнь уже не ценят! – Последнюю фразу она уже не говорила, кричала.

– За что ж ее ценить? Жизнь это тебе не радостная прогулка, любить ее за сам факт существования? Ты это предлагаешь? Я хотел бы побороться, но смысл то какой? Ради чего? Жизнь не радостна сама по себе, твое существование становится жизнью, только когда есть смысл, цель. А у меня, подруга, его нет... – Эти слова ее глубоко задели. Сложно было сразу ответить что-то. Собеседник пристально смотрел на нее, заинтересованный, он смиренно ждал ответа. Но нужные мысли никак не приходили.

– Тогда живи ради освобождения человечества! – Единственное, что пришло в голову, цитата из любимой книги.

Она выпалила это столь стремительно, что сама удивилась. Но собеседнику, похоже, такой ответ пришелся даже по душе. Он искренне в голос рассмеялся, чем вызвал неподдельное смущение.

– А ты и вправду очень забавная девчонка! А когда освобожу человечество, мне можно будет наконец-то все это закончить?

– Вот освободишь, тогда и посмотрим! – Она смотрела на него суровым взглядом, но от звонкого смеха самой захотелось улыбаться. – Я серьезно, вообще-то! Цели в жизни должны быть грандиозные. Хватит мелочной жизни. Не знаешь сам чего хочешь, так я тебе найду смысл жизни!

– Найди. С нетерпением буду этого смысла ждать. – Он протянул ей руку. Похоже, что в нем продолжила теплиться надежда, похоже сегодня еще один человек обрел желание продолжать бороться. – Спасибо...

– Что?

– Спасибо! Большое спасибо! Ты меня, наверное, спасла.

Следующий час они провели в солнечных переливах, молча смотря на вечные неприступные горы. Каждый мыслил о своем.

– Продолжать жить – значит каждый день бросать вызов самому себе! Бесконечная борьба за право иметь осмысленное существование. Этот смысл очень дорог. И лишь те, кто сражаются, могут идти дальше, творить и изменять, воспитывать, растить, создавать! Остальные же погибают, мораль-

но или физически, неважно, смерть есть смерть. По крайней мере, я так думаю. Правильно или нет, подходит ли это для тебя, не знаю. Сам найди себе такую цель, ради которой будешь жить.

– Освободить и созидать? – Вновь зажег сигарету, похоже он был в очень сильных думах. – Знаешь, как забавно, а мне всегда казалось, что самая великая цель в твоей жизни, такая за которую эту жизнь не жалко отдать. Я запомню твои слова.

– Спасибо

– А мне за что?

– За то, что запомнишь.

– Так, хватит философствовать! – Внезапно он взял ее на руки и начал стремительно спускаться с горы.

– Что? Куда? Перестань! – Она в шоке крепко вжалась в него, от страха обхватив своими слабенькими руками как можно сильнее. – Куда ты меня несешь? А каталка?

– Увидишь. А каталку твою мы потом заберем, ты с ней еще неделю спускаться будешь!

Они пришли в самый центр деревни. В местном клубе был установлен кинопроектор ещё советских времён, но до сих пор пользовавшийся бешеной популярностью. Крутили разные старые фильмы, и здешняя кино библиотека была представлена самой широкой номенклатурой, от всеми признанных отечественных и зарубежных шедевров, до откровенно проходных картин. В небольшой зал на 15-20 человек то и

дело приходили новые и новые зрители.

Достались самые лучшие места. Он заботливо усадил ее в центр ряда. Легкий холодок пробежал по спине, без своей каталки она была словно безоружна. В окружении стольких людей она никогда не была, в основном вокруг собрались ровесники, которых на удивление много было для столь небольшого населенного пункта. И вот свет погас, представив на белом полотне старенький черно-белый фильм. Чей-то *magnum opus*, картину, к которой автор возможно готовился всю жизнь, а может быть какое-то мимолетное вдохновение. В любом случае эти полтора часа прошли столь стремительно, поглощенные магией кино.

В маленьких поселениях знают друг друга в лицо, и поэтому появление нового человека всегда вызывает ажиотаж. После сеанса все внимание было приковано к сидящей в центре девчонке, что пыталась спрятаться от пытливых взглядов. Но вскоре пришло осознание, что окружающие не испытывают никаких других эмоций кроме любопытства. Попытки познакомиться начались незамедлительно. В окружении стольких сверстников она была впервые, звали её то туда, то сюда, рассказывали истории, девочки заплетали её волосы и учили плести разные косы.

Солнце уже было в зените, после прохладной комнаты кинотеатра улица казалась сплошным пеклом. Золотые лучи заливали все округу, и нигде не видно было спасительной тени. Он бодро нес ее на руках в сень огромного дерева, что

стояло на окраине деревни. Привыкнув быть на руках, ей так не хотелось отпускать его, что даже прижалась как можно теснее. Стук сердца лишь раззадорил молодую девушку, понятно, что это от того, что он несет, пускай и не очень тяжелую, но все равно какую-никакую, ношу. Нежно посадив ее в тень дерева, сам он буквально рухнул рядом, обливаясь потом.

– Я тяжелая?

– Фуух, неа. Жарко просто. Какая ты тяжелая, больше на пух похоже, тебе бы кушать лучше. А чего ты покраснела так? Смотри, чтоб без солнечных ударов! – Он приложил к ее лбу губы, чтобы прощупать температуру. Смущение достигло предела, сейчас она была краснее рубина. Невольно выпустив девичий писк, сама того не понимая, отпихнула его.

– Все хорошо, жарко просто. – Все тело дрожало, впервые кто-то был так близко к ней.

– Сейчас остынешь. Коляску твою ребята привезут, я попросил. А сейчас можешь просто отдыхать. – Легкий ветерок был спасением. Медленно колыхая высокую траву на широченном поле, он доходил до края, спускаясь с гор. Они просто смотрели на то как этот дерзкий юнец, покоривший и высокие пики гор и бескрайние просторы полей, борется с жаром огромного огненного шара, что, находясь на расстоянии в миллионы километров от нас, все равно дарил тепло.

Жара разморила их. Не прошло и часа как они, оперив-

шись друг на друга, она на плечо, а он на голове, дремали. Каждый со своим потрясением, казалось, что жизнь наконец-то стала налаживаться.

V

Доктор стоял на крыльце, наблюдая за закатом. Настоящая благодать, тонуть в этих последних солнечных лучах. Сегодняшний день готовится ко сну. Из-за забора появилась парочка. На взгляд доктора она ответила, поёжившись в кресле, опустив от стыда глаза.

– Можно было хоть записку оставить если куда-то уходишь, хорошо хоть в деревне все про всех знают, а кто это с тобой?

– Добрый вечер, мы случайно встретились утром на смотровой. Ваша дочь просто нечто!

– Льстишь, хорошо! Быстро ты, однако себе жениха нашла! Ладно я в дом, покумекайте на крыльце и домой, у тебя, если помнишь режим. – Доктор улыбался. В первый раз он увидел такое смущение на ее лице. Наверное, это был правильный выбор, свобода и свежий воздух пока что влияли на ее здоровье только положительно, но переживания всегда маячили рядом. Он даже мысленно выругал себя за малодушие и страх вывезти ее на природу раньше.

Наутро следующего дня, поднялся ветер, нагнавший небольшой дождь. И все, же соревнования решили провести в клубе, с надеждой, что распогодиться, в горах погода меняется на глазах.

Турнир начался с весёлого застолья в честь доктора. Ко-

гда-то он был сельским врачом, с красным дипломом и великолепной рекомендацией, ему пророчили блестящую карьеру в Москве, но он вернулся сюда. Лишь после того как его жена умерла, он уехал из деревни. Наверняка, чтобы забыть, тяжело быть в том месте где тебе все напоминает об ушедшем человеке.

Начался грандиозный, конечно по местным меркам турнир и не только по шахматам, как обещал Константин Валентинович. Шашки, домино, «дурак», нарды и ещё много разных игр. Во всех настольных она была безусловным лидером, обыгрывая даже местного старожилу, большого знатока кубических стратегий и карточных тактик. Другим же просто не оставляла шанса. Эрудиция, знание истории тоже она. Уступила лишь в женских конкурсах, готовке, стирке, шитью, не смогла участвовать в физических соревнованиях, которые начались, как только прекратился дождь. Но даже там она показала себе с лучшей стороны, как судья, зная правила спортивных игр, на зубок. В общем, она приковала внимание всех здешних обитателей своим остроумием, глубокими знаниями и улыбкой.

Снова полил дождь, но на этот раз тучам не удалось затмить солнце, была прелестная радуга, местные говорили, что это хороший знак. Знак чтобы остаться еще на чуть-чуть. Несогласные со скорым отъездом они буквально стали стеной, сказав, что пока не покажут ей местную школу, никуда непустят. Доктор, ругаясь, пошёл звонить главврачу, а

народ облепил её, наперебой, рассказывая о планах на ближайшие несколько дней. Она смеялась.

Константин Валентинович имел безупречную службу на страже здоровья, вдобавок очень редко брал отпуск, поэтому ему дали ещё неделю. Проблем возникнуть не должно, но он опасался за её здоровье, в случае чего можно и не успеть обратно. Но доктор похоже решил рискнуть.

Дополнительную неделю пребывания доктора и его дочери, а все считали, что она именно его дочь, местные решили отметить весёлой пьянкой, танцами, и даже салютами.

– Хочу сделать объявление. – Староста деревни вышел на помост, под аплодисменты собравшихся. – Ввиду пополнения среди нас, а также выражая глубокую признательность Константину Валентиновичу за все, что он сделал для нашей деревни, нашим коллективом было единогласно принято решение, о выделение средств на какое-то буржуйское лекарство, для нашей дорогой победительницы.

– То самое? Которое нужно? – Крикнул кто-то из толпы.

– То самое! – Доктор ответил с нескрываемой улыбкой.

Бурный гул оваций и громогласного «Ура!». Она сидела в шоке, от услышанного. Слезы стали невольно наворачиваются на глаза, как она не пыталась их утереть у нее ничего не выходило. Ее судьба стала им небезразлична. Поплакать ей не дали, каждый хотел свою порцию обнимашек. Каждый из них был за нее счастлив. Ей дали немного времени побыть одной и потащили за общий стол.

Вечеринка только набирала обороты. Гвоздём программы было разведение огромного костра, через который все начал прыгать. Что бы она не скучала, дедушка дал ей какой-то порошок, попросив кинуть горсть в огонь. От объемного взрыва, оглушившего всех на пару минут, вырубил фонарь на главной улице, где собственно и было веселье. Получили нагоняй все, а она снова рассмеялась, бодро извиняясь. Зная, что под такой шум невозможно уснуть, доктор разрешил ей посидеть ещё пару часов, нарушив режим, но к полночи все уже расходились по домам.

– Было весело! Надо как-нибудь повторить!

Она отрубилась мгновенно, сказывался многолетний режим. А вот доктор провел бессонную ночь, в размышлениях о том, поступил ли он правильно. Хрупкое здоровье, могло подорваться нарушением образа жизни. И всё же, её улыбка, смех, и искренняя радость.

На следующее утро она уже была в форме ученицы, пусть старой и потрепанной годами. Ради прихода в школу новой ученицы, эту форму доставали из закровов все, у кого она была, у кого нет, просили у соседей. Сегодня на уроки спешили даже двоечники и прогульщики, казалось бы, как такое возможно в последнюю неделю перед экзаменами. Но интерес к новой ученице заставил многих победить лень. Уже с первых занятий она показала небывалое рвение, от её знаний ошалевали не только ученики, но и учителя. Когда на математике она решила уравнение с производной, учительница

чуть ли не целоваться лезла, а написав без единой ошибки диктант, притом дав ещё списать классу, она и вовсе стала всеобщей любимицей. Только труды ей не давались, ни ниток, ни иголок в больнице у нее не было, пение из-за сиплого голоса, да иностранный из-за того, что доктор других языков, кроме латинского не знал и её не учил.

В этом году у нее должен был быть выпускной. Она давно бросила школу и поэтому даже не думала о таких вещах. Разговоры одноклассников делились на сплетни об отношениях, и обсуждения грядущих экзаменов. К ним она давно была готова, но сдавать должна была в особом порядке: в ее палату пришли бы люди дали листок с заданием, а дальше отвечай, как знаешь. Простые экзамены, но как же трепет они вызывали у местных ребят.

После занятий она решила приехать под сень того самого дерева, здесь было какое-то необычное умиротворение, а сердце почему-то начинало сильно-сильно стучать. Достав из сумки толстую тетрадь, она принялась что-то воодушевленно записывать, совершенно не замечая, как к ней направлялся недавний знакомый. Постояв в стороне, наблюдая за ее сосредоточенным лицом, он невольно проникся особым духом. Рядом с ней он чувствовал себя необыкновенно.

– Что пишешь? – Подкравшись сзади, стремительно выхватил рукопись. – «Манифестация жизни», я-то думал дневничок, а ты, оказывается, книги пишешь!

– Отдай! – Она насупилась и готова была выпрыгнуть из

коляски лишь бы отобрать свою заветную тайну.

– Сначала расскажи! – Он снова взял ее на руки, бережно пересадив на плед под деревом. – Так, наверное, удобней будет.

– Что рассказывать? – Она начала мямлить, явно стесняясь. – Пишу просто, хобби такое, ясно!

– Ясно. А почитать дашь?

– Не думала никому показывать?

– Почему это? Творчество оно для того и создано, чтобы люди могли увидеть твои мысли.

– Не знаю. Дурацкие мысли.

– У тебя то? Не смейся, твои не могут быть дурацкими.

– Спасибо. – Она смущенно улыбнулась. – Хорошо, как закончу, дам почитать.

– А когда допишешь?

– Скоро...

Каждый день после уроков он приносил ее под это дерево. Она в безумном порыве писала с такой страстью, что не обращала внимания ни на что вокруг. А он лишь тихонько наблюдал, замороженный ее вдохновенным трудом. Прерывались лишь на созерцания заката. Каждый раз, когда ложилась на его руку, без остановки говорила, рассказывала все что знает, читала стихи, без умолку болтала. Он молча смотрел... не на закат... просто смотрел.

Неделя прошла. Отъезд тоже решили отпраздновать, никто не знает, когда они ещё раз приедут. Доктор прекрасно

понимал, что ей очень хочется здесь остаться, но ему нужно было следить за её здоровьем. Никаких больше отсрочек.

– Как себя чувствуешь?

– Превосходно! – Она и вправду похорошела за эту неделю, свежая, румяная, немного поправилась, всё идёт к лучшему.

– Ребята гуляем!

Снова стол, снова танцы, гитара, баян, музыка и песни. Громкие тосты, хороводы, все пытаются дать совет по жизни. Гуляет народ. «Ааааааа!» – выступает местный старожила, прыгая в бешеном танце. «...а наших дорогих...» – в полупьяном состоянии говорит староста. Она сидит в сторонке, скрывшись от посторонних глаз, улыбается. Уже знакомые мужские руки обнимают сзади, его запах, голос, так не хочется отпускать. На глазах невольно выступили слезы, которые она в спешке утерла.

– Ну как тебе? Ты что плачешь?

– Нет! Я вообще никогда не плакала и не собираюсь!

– Эй, это же праздник в твою честь. А ну не грусти! Лучше выпей! – Он протянул ей бутылку.

– Это что, пиво? Мне же нельзя. – С глазами полными надежды она посмотрела на него.

– Курить тебе тоже нельзя было, а ты что? Помнишь? Давай пока доктор не видит. Ну как?

– И вкусно и не вкусно одновременно. Клубничное пиво, как так-то?

– Секрет фирмы, на море делают.

– А я никогда не была на море...

– Значит, я тебя туда отвезу, права у меня уже есть, обязательно свожу.

– Мороки со мной много, посидеешь меня везде катать. –

Она с грустью посмотрела на свои ноги, приподняв край юбки, затем посмотрела на него и улыбнулась. – Замараешься со мной.

– Не буду катать, сама пойдёшь! – Он подхватил ее, аккуратно поставив на землю. Взгляд испуганно метался из стороны в сторону, но вместо криков «пусти!», она услышала «вперёд!», «давай!», её подбадривали все. Посмотрела ему в глаза, он улыбался... Улыбался и доктор. Все стоявшие вокруг неё, радостно подбадривали своими выкриками. Она была им не безразлична, теплое чувство разлилось в груди, сердце так радостно стучало, если бы она могла остаться здесь... Всё бы изменилось! Не было бы больше того белого цвета, заставляющего жмуриться, можно было бы раскрыть глаза, наслаждаясь красками природы, не было бы того затхлого прокварцованного помещения, запаха мира... о, как они прекрасны. Не было бы тех четырёх стен так давящих на душу, только свобода. Не было бы того страха перед костлявой... Ничего этого не было бы!

«Я смогу», и сделала шаг, «я смогу», и сделала другой, «смогу», третий.

– Ну, же ты сказала мне, борись, и поддержала меня, те-

перь моя очередь, иди...

Однако идти долго она не смогла. Тело было ещё слабо, ноги не слушались, оно и понятно столько лет пробыть один на один с постоянной слабостью, болью. Уже эти несколько шагов можно назвать чудом! Она уже и не помнила, когда в последний раз шла на своих двоих, слишком давно, как ей казалось. Доктор запротестовал против дальнейших «передвижений», бережно усадив её в кресло. Ноги страшно гудели, отдавая жуткой болью, из глаз невольно вытекла слезинка, и она ведомая уже рефлексом, моментально утёрла лицо. Радость... Нестерпимая боль и всё же. Улыбка получилась немного кривоватая, она буквально выдавливала её из себя. Но это стоило того, впервые за пять лет она не только боролась с недугом, но сделала шаг вперёд. В прямом и переносном смысле.

– Ты умничка! – Он снова подошел. Сейчас он был невероятно рад. – Видишь, я же говорил, что ты энерджайзер. Это мне придется за тобой бегать похоже!

– Если б ты знал, как я благодарна. – Сейчас ее лицо светилось радостью. Несмотря на ее улыбку во все зубы, можно было разглядеть все вены на лице, боль никуда не ушла. – Вот это тебе!

– Твоя книга?

– Дописала сегодня днем, пока ты храпел!

– Я? Может ты храпела и мне тут приписываешь? – Они оба засмеялись в голос. – Ну так что, на море то, когда?

– Не знаю. – Она отвернулась в сторону, выискивая взглядом доктора. На душе было тяжело. Впервые за долгое время она испытывала такой прилив сил. – На море вряд ли, по крайней мере пока. Я уже обещала поехать кое с кем.

– Это с кем же? – Его голос переменялся.

– С другом.

– С другом?

– Да у меня есть один друг, он обещал мне показать море.

– И кто же это? Что еще за друг такой? Ты не рассказывала.

– Просто друг, Ночной гость. Мы редко видимся, он заходит навестить меня с доктором, книги приносит.

– Не знал, что у тебя уже есть «друг». – Он сказал это с большой горечью, кажется сильно расстроился.

– Все хорошо, никаких скрытых смыслов. Просто друзья

– Хорошо...

Праздник продолжался. Доктор собирал вещи. Все танцевали и веселились. Ребята смотрели друг другу в глаза. Стоило включить медляк как он подхватил ее на руки. Они кружились в медленном танце, освещенные светом фонаря. Время замерло. Затихли звуки. Едва-едва они коснулись губ друг друга. В объятьях она вцепилась в него с неестественной силой, противясь желанию уезжать. Праздник кончился около полуночи, но люди всё ещё не хотели расходиться, зывали остаться ещё на денек, хотя понимали – их старания в этом плане тщетны. Так они и стояли обнимая друг друга,

сменив медленную музыку на синхронный стук сердец.

– Не море...

– Что?

– Не море. В мире, где у каждого из нас есть смысл, где будет тишина и покой есть огромное поле, что простирается до горизонта. Когда придет время, я встречу тебя там...

Ее ноги стали подкашиваться, а глаза закрываться сами собой. Он сначала и не понял, что происходит. Крик прервал праздник, знаменуя его окончание. Доктор бросился навстречу угасающему миру...

VI

– Держись уже едем! – Они стартовали незамедлительно. Доктор разрешил поехать вместе с ними, ведь как-никак появился еще один человек, которому небезразлична ее судьба.

Константин Валентинович верил в неё. Надеялся, что она выкарабкается из своего шаткого положения. Но голос врача выдавал сомнение. На фоне общего улучшения было незаметно, что болезнь прогрессировала. Казалось все были уверены, что она идет на поправку, хотели в это верить. Доктор знал, что имеющиеся в его распоряжении медикаменты уже не эффективны: вирус мутировал слишком быстро, ингибиторы уже не могли блокировать его распространение. Вся надежда была на лекарство, которое должны были доставить в больницу, аккурат к их возвращению. Они оба знали: то облегчение было лишь затишьем перед бурей, в которой всё поставлено на кон. Поэтому-то доктор и решил свозить её куда-нибудь, придать ей сил перед последней битвой...

Доктор ожидал такой поворот, и больше всего он боялся, что ей станет плохо в деревне. Сейчас, по крайней мере, до больницы оставалось не дольше 15 минут. Доктор снова восхитился её выдержкой, она оттянула этот приступ на целую неделю! Она была в ужасном состоянии: тяжело дышала, жадно заглатывая воздух небольшими частыми порция-

ми, глаза закатывались сами собой, обильно выделялся пот, появилась дрожь верный признак начала лихорадки. Доктор ударил по газам, им нужно было торопиться, ведь для неё начинается ещё одно испытание в жизни...

Будучи в сознании, она начала вспоминать семью. Их лиц она уже не помнила. События, тогда пережитые, напрочь стёрли все воспоминания об их внешности. Их тёплый всегда залитый светом посёлок, друг детства родители... Мама ушла первой, затем брат. Лишь отец мог успокоить, на время прервать эти слезы, что лились днями напролет. Он был спасателем, и как никто иной, умел ценить жизнь. Часто рассказывал истории о том, как борются люди, как сражаются, даже зная о собственной смерти. Это было и про их семью у всех был один диагноз... Они боролись...

– Ты снова плачешь? Сколько можно?

– Я...я...

– Прекрати, все, когда-нибудь уходят. Их души тихонько летят в вечность, прям как воздушные фонарики. – Он прижал дочь к себе, она перестала плакать. – И где-то там над бесконечным морем в ночи, обретают покой.

– Ты сильный.

– Почему?

– Ты никогда не плачешь. – Она шмыгнула носом и подняла зареванные глаза, её отец улыбнулся. – Только сильный может улыбаться, когда...когда...

Она снова зарыдала, покрепче прижимаясь к отцу. Ника-

кие физические раны не способны причинить такую боль, удар в сердце. Отец лишь улыбнулся, погладив её по голове, он был готов забрать все на себя, если б только мог.

– Дурёха, только роботам не больно, все плачут: от горя, от счастья; у всех людей есть сердце. – Он поцеловал её в лоб и крепче прижал к себе. – Я хочу, чтобы ты была сильной. Тебе ещё не раз придётся страдать. Судьба она такая, в ней надо бороться. Жизнь бьёт, больно бьёт.

– А мама боролась? Почему тогда она умерла.

– Мы не всегда способны победить, но сражаться обязаны, не сгибаться под ударами жизни – это и значит быть живым, быть человеком!

Вот больница доктор бежал впереди, давая распоряжения, и команды. Он держал ее на руках, слабую и подавленную, но все равно превозмогающую саму себя. Она шептала, но он не слышал. Все мысли были, только о том, как бы успеть. И вот реанимационная бригада, больничная каталка. Отпустив ее, он успел поймать лишь взгляд с... улыбкой. Увозили в реанимацию.

– Ну, как?

– Пока держится, крепись, всё будет хорошо! – Красный огонек, небольшие прерывистые клубы дыма, доктор нервно курил. Сейчас можно, именно этого дня он с опаской ждал, и больше всего боялся. Сейчас всё будет решено, но... Уже более сорока минут жизнь самого дорогого доктору человека висела на волоске. Нет её жизнь всегда была такой, он это

знал, но... Врачи пытались сделать всё возможное, но жить ей или нет, решать будет только она. Уже дважды её сердце останавливалось и начинало биться вновь. Меньше чем за час она перенесла уже две клинических смерти! Она сражалась! Её положение характеризовали как тяжёлое нестабильное. Плохо... если стабилизировать не удастся даже, то самое лекарство не поможет. Но она сильная, она все преодолет...

Доктор попросил, чтобы его оповещали о её состоянии каждый раз как представиться возможность. Сейчас он ходил из стороны в сторону, нервы были не к чёрту.

– Что-то много «но», – Он был в страшном напряжении, он так хотел помочь, однако не мог, сейчас над её жизнью бились другие люди. – Давай!

– Доктор она спасла меня от смерти. – На лице парня выступили слезы. Небольшие и скупые, как и положено мужчине, но такие горькие. Слезы отчаяния. – Неужели она не сможет себя спасти?

– Сможет. Будем молиться.

Никогда не обращаешь внимания на простые вещи, пока не окажешься в тяжелой ситуации рядом с ними. Так тусклая лампа «тихо, идёт операция», никогда не казавшиеся доктору приметной вещью, сейчас была словно сосредоточением всех тревог. Её мерное потрескивание давило, начали дрожать руки. Они оба закурили, доктор уже четвёртую, а парень, уже, наверное, сбился со счёту. Стресс не уходил,

становилось только хуже, Константин Валентинович считал, что это слабость успокаивать себя подобным образом, эту привычку он в себе ненавидел.

– Дьявол! – Нервно выбросил сигарету после первой затяжки. – Только держись!

Доктор зашагал по тёмному коридору, оставаться на этом месте он больше не мог. Ночного гостя нигде не было, это успокаивало Константина Валентиновича. Шёл быстро, сам не знал куда, просто шёл вперёд. Он остановился возле окна, вспомнил как увидел ее здесь. Ту самую девочку с кладбища. Она тихо смотрела в окно, пыталась найти там ответы. Он зовёт её, она небрежно как-то, по-мальчишечьи, быстро проводит рукой от локтя по глазам, и поворачивается, улыбаясь сквозь только что вытертые слёзы.

– Константин Валентинович! Константин Валентинович! – Голос слышался с другой стороны коридора, со стороны реанимации.

– Что?

– Куда же вы ушли?

– Я...э

– На данный момент её состояние улучшилось, но ничего не могу сказ...

– И то благие вести.

Доктор бодро зашагал в сторону реанимации, остановившись перед дверьми, лампочка «...идёт операция» продолжала гореть.

– Она сильная доктор, но...

– Опять эти «но».

– Третья клиническая, она держится. – Он облокотился на стену, снова закурил. Моральные силы уже были на исходе.

Двери в реанимацию открылись, доктор вошёл. Она лежала в центре комнаты, окруженная врачами и приборами. Он тоже стоял рядом, весь в слезах, сжимая ее руку. На одном из мониторов дёргалась «кривая жизни», она была жива! Но по виду врачей можно было понять, ещё одну клиническую она не переживёт. Он подошёл к ней и крепко взял её за другую руку. Дрожь. Ее же рука оставалась спокойной, как и выражение лица. Взгляд и еле заметная из-под аппарата вентиляции лёгких... улыбка, её сила уже просто выходила за рамки, такой воли к жизни не было у людей. Ни у одного до неё. Из глаз доктора хлынули слёзы...

– Прощу... прошу... прошу! Твоя жизнь, ты же не жила, это не честно слышишь?! Ты им обещала вернуться, ему обещала! Ты же можешь!

– И эту неделю... по-настоящему жила...

Её улыбка, и долгое «пи» на приборе, реанимационная бригада вновь приступила к работе, но дорогих ей мужчин оттеснять не стали. Доктор отошел сам, схватив себя за голову.

А парень так и продолжал стоять, держа её за руку, стоял в шоке... Неужели конец, всё... но... но ведь она же может бороться. Прошло три минуты, но для него... он отказывал-

ся верить.

И вдруг непрерывное «пи» закончилось, она вновь открыла глаза. Они были затуманены, скорее всего, она уже ничего не видела, но столь выразительных глаз он никогда не видел. Неужели она смогла! Выкарабкаться из оков смерти... Краюшек рта приподнялся, даже сейчас! Она улыбалась...

–Спа-си-бо, за всё!

–Стой! Стой... нет! Не уходи! Живи... пожалуйста, ты же можешь! Живи...Ю...

Её ослабевшая рука... Кричащий доктор... Непрерывная линия на мониторе... Занавес...

VII

Ночной гость прогуливался по набережной. Иногда он останавливался, ложился на каменистый берег и разглядывал звёзды. В городе невозможно такого увидеть, нет там такой красоты. Смотрел и вдоль ночного моря, столь спокойный тихий ритм, наслаждение. Смотрел и на светящиеся тысячами огней прибрежные города. Со скал запускали воздушные фонарики. Эти ночные летчики бесстрашно плыли навстречу стихии, этому вечному морю, возможно, освещая кому-то путь. Для них это был последний путь.

Сзади он услышал приближение и знакомый надрывный голос. Снова посмотрел вдаль в море, приложил руку к глазам, слёзы... Ему было также больно, как и всем, кто... Как же давно не было у него слез.

– Значит все же так распорядилась судьба. – Он молча кивнул и поманил подошедшего сзади гостя. Они быстро зашагали по лестнице вверх, проходя по каменной набережной.

Где-то через полчаса они уже стоял на склоне, выступающем над водной гладью, с него можно было увидеть всю панораму ночного моря, с бесконечными звёздами и завываниями волн. Красиво... В его руках был летающий фонарик. Фиолетовый цвет – её любимый. Этот холм он хотел ей показать, впрочем, сверху ведь лучше видно. Ночной гость за-

ботливо вывел её инициалы на фонаре, и стал его нагревать. Он нежно отпустил фонарь в бескрайний океан... быстро набирая высоту, он все продолжал отдаляться. Ночной гость немного наклонился, как бы кланяясь. С его губ почти шепотом сорвалось...

– Спасибо, что научила нас смеяться сквозь слёзы!

И...улыбнулся. А фонарь продолжал улетать в бесконечность...